

ЛИНСИ
СЭНДС

*Идеальная
жена*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С97

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Lynsay Sands
THE PERFECT WIFE

Перевод с английского *Е. Елистратовой*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

Сэндс, Линси.

С97 Идеальная жена : [роман] / Линси Сэндс; [перевод с английского Е. Елистратовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-179834-5

О чём мечтает могучий рыцарь, который вернулся домой из крестового похода? Жениться на весёлой, пышнотелой и здоровой девушке. Но наречённая Паэна Джервилля, леди Авелин Стротон, кажется подозрительно бледной и слабой.

Авелин мечтает стать идеальной женой своему рыцарю, да только, кажется, на неё ополчилась сама судьба. Бедняжку вдруг начинают преследовать неудачи. Просто ходячее несчастье, а не жена! Даже брачная ночь оборачивается кошмаром. Но Паэн начинает подозревать, что за несчастьями Авелин стоит чья-то злая воля...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Lynsay Sands, 2005
© Перевод. Е. Елистратова, 2025
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

ISBN 978-5-17-179834-5

Пролог

— Ах...

Этот тихий звук заставил Авелин, стоявшую на столе в парадном зале замка Стротон, обернуться. Леди Стротон, её мать и источник вздоха, замерла на ступеньках лестницы. Увлажнёнными глазами леди наблюдала, как Рунильда возится с подолом платья Авелин.

В последнее время у леди Марджери Стротон глаза частенько бывали на мокром месте — с того самого дня, как Паэн де Джервилль вернулся наконец из крестового похода и пожелал соединиться со своей наречённой. Мать Авелин принимала связанные со свадьбой события слишком близко к сердцу. А именно, она никак не могла принять тот факт, что вскоре после свадьбы дочь переедет в замок Джервилль. Авелин знала, что мать будет счастлива видеть её замужней женщиной, которая скоро подарит ей внуков. Но мысль о том, что дочь уедет, казалась леди Стротон невыносимой. Авелин с матерью были очень близки. Настолько, что в своё время юную Авелин не услали из дома, и она воспитывалась подле мамы, в любви и терпении.

— Ах! — снова вздохнула леди Марджери Стротон, пересекая просторный зал в сопровождении служанки.

Авелин обменялась улыбкой с Рунильдой, а затем, кивнув головой, с притворным отчаянием воскликнула:

— Мама, неужели ты плачешь, потому что я так отвратительно выгляжу?

— Нет! — воскликнула леди Стротон. — Дорогая, ты выглядишь прекрасно! Ты просто красавица. Голубой цвет платья подчёркивает голубизну твоих глаз. Тебе очень идёт.

— Тогда отчего у тебя такой трагический вид? — мягко спросила Авелин.

— Ах, это просто потому, что ты кажешься такой... такой взрослой. Ах, Гуннора! Моя девочка теперь взрослая дама, — плачущим голосом обратилась она к служанке.

— Да, миледи, — смиренно улыбнулась Гуннора. — Так оно и есть. Пришло время выйти замуж и покинуть родной дом, чтобы зажечь своим собственным!

Этого краткого ответа оказалось достаточно, чтобы глаза леди Стротон снова увлажнились. Слёзы тяжело набрякли под ресницами, угрожая скатиться по щекам, когда лорд Уиллем Стротон — всё это время он спокойно сидел в кресле у камина — встал, скрипнув тяжёлым кожаным одеянием и звякнув кольчугой.

— Дорогая, не нужно слёз, — с укоризной произнёс он, подходя к женщинам, стоящим возле стола. — Свадьба — это такое радостное событие. К тому же Авелин пробыла с нами дольше, чем я мог надеяться. Если бы не Ричард с его крестовым походом, мы бы, пожалуй, расстались

с нашей девочкой, ещё когда ей минуло четырнадцать.

— Да. — Леди Стротон прильнула к мужу, а тот одобрительно взглянул на дочь. — И я так благодарна судьбе за то, что нам было позволено держать её при себе до самого двадцатилетия. Но все-таки я буду по ней тосковать!

— И я тоже, — мрачно согласился лорд Стротон. Обняв одной рукой жену, он повернулся к Авелин. — Дитя моё, ты выглядишь красавицей. Прямо как твоя мама в тот день, когда мы с ней поженились. Паэну необычайно повезло. Мы тобой гордимся.

На миг Авелин даже испугалась, заметив, как блестят глаза отца — не ровён час, тоже расплачется; но он откашлялся и сумел послать жене кривую улыбку. — Нам придётся как можно больше развлекаться, чтобы не думать об утрате.

— Не могу придумать ничего, что помогло бы мне забыть о том, что я потеряла дочь, — уныло воскликнула леди Стротон.

— Ничего? — Лицо Уиллема Стротона на миг приняло лукавое выражение, и Авелин с весёлым удивлением отметила, что рука отца покинула талию матери и опустилась на ягодицы, пусть и прикрытые многочисленными юбками. — А я мог бы предложить штуку-другую, — сказал он, увлекая жену прочь от стола в направлении лестницы. — Отправимся-ка в нашу спальню и обсудим мои предложения!

— О-о, — взволнованно охнула леди Стротон, пытаясь протестовать — только протест вышел слишком слабым. — Но мы с Гуннорой должны были посчитать запасы и убедиться, что...

— Этим вы можете заняться и позже. А Гуннора тем временем пусть передохнёт немного, — со значением сказал лорд Стротон.

Служанка улыбнулась и поспешила удалиться, хотя её госпожа продолжала возражать:

— Но как же Авелин? Мне бы хотелось...

— Авелин будет здесь, когда мы спустимся, — сказал он, подталкивая жену вверх по лестнице. — Она пока никуда не уезжает.

— Если вообще уедет.

Авелин вздрогнула от тихих оскорбительных слов, что раздались за её спиной. Она сумела удержать равновесие на столе, но лишь благодаря проворству служанки, которая успела схватить её за руку.

Шёпотом поблагодарив девушку, она осторожно обернулась, чтобы взглянуть в лицо говорящей.

Юнис.

Двоюродная сестра была, как всегда, в злобном расположении духа. Узкое лицо её было искажено гримасой, насмешливый взгляд придиричиво обежал Авелин с головы до пят.

— Что думаешь, Стаци?

Взгляд Авелин обратился к двум юношам, которые сопровождали вошедшую. На поросячьих лицах Хьюго и Стациуса, братьев-близнецов Юнис, играли недобрые ухмылки. Троица возникла ровно в тот момент, когда её отвлѣк поспешный уход родителей.

«Замечательно», — с грустью подумала Авелин. Если ей и повезло иметь любящих отца и мать, то судьба сполна наказала её за это, наградив самыми ужасными двоюродными братьями и сестрой, которых только видывал свет. Похоже, что смысл существования этих троих состоял в том, чтобы отравлять ей жизнь. Для них не было большего счастья, чем ткнуть пальцем, указав ей на её недостатки. И так они вели себя с самого начала, когда десять лет назад появились на пороге дома Стротонов после того, как

их замок был захвачен, а отец убит. Их мать, которой больше некуда было обратиться за помощью, привезла детей в Стротон, и они быстро сделались проклятием юных лет Авелин.

— Я думаю... — Стациус повёл носом-картошкой, плюхаясь на скамью и откидывая голову, чтобы охватить взглядом Авелин в её подвенечном наряде. — Как только Джервилль увидит, в какую корову превратилась его наречённая, он тут же разорвёт договор и даст стрекача так, будто за ним гонятся черти!

— Боюсь, Ави, что Стаци прав, — протянула с притворным сочувствием Юнис, глядя, как ту передёрнуло от слов двоюродного брата. — В этом платье ты точно как переросшая черничина. И заметь: я не говорю, что цвет нехорош. Потому что в красном ты бы смахивала на огромную вишню, а в коричневом — на огромный кусок...

— Полагаю, Юнис, ты выразилась достаточно ясно, — спокойно ответила Авелин, а Юнис и Хьюго тем временем уселись на скамью рядом с братом. Радостное настроение, которое грело её после похвалы родителей, вмиг угасло. Она больше не чувствовала себя хорошенькой. Теперь она казалась себе толстой и дурно одетой. Да так оно и было. Лишь на краткий миг могла она забыть сей факт, когда рядом были мать или отец с их безусловной любовью и одобрением. Но почему-то Юнис, Стациус и Хью всегда оказывались поблизости, чтобы указать ей на истинное положение дел.

— А я считаю, что черника выглядит очень красиво и сочно!

При этих словах, сказанных резким тоном, она подняла голову и обернулась. Варин, её брат, как раз притворял дверь за собой. Трудно сказать, давно

ли он вошёл, однако взгляд, который брат бросил на зловредную троицу, подсказал ей, что он услышал достаточно. Авелин обрадовалась, когда кузены и кузина поспешно вскочили и бросились напрямик в сторону кухни.

Варин смотрел им вслед. Дождавшись, пока они с сестрой останутся одни, он снова обратился взглядом к огорчённой Авелин.

— Не слушай их оскорбления, Ави! Ты совсем не похожа на черничину. Ты красавица. Просто принцесса.

Авелин заставила себя улыбнуться, а он потянулся к сестре и ободряюще сжал её ладонь.

— Спасибо, Варин!

Но лицо у него было встревоженное, и Авелин поняла: брат не верит, что сумел её убедить. Она было подумала, что он, как и полагалось хорошему брату, снова примется настаивать, будто она красива, но Варин лишь вздохнул, очевидно смирившись с положением дел.

— Ты не знаешь, где сейчас отец?

— Ушёл с матушкой наверх, — ответила Авелин. Её глаза снова лукаво блеснули. — Чтобы обсудить, чем лучше всего утешиться. А то ведь эти рыдания из-за моего отъезда!

Варин приподнял бровь, а потом ухмыльнулся и направился к двери.

— Что ж, если они в ближайшее время спустятся, пожалуйста, передай отцу, что мне нужно с ним поговорить. Я буду внизу, на тренировочном поле.

— Ладно. — Авелин проводила его взглядом, затем посмотрела на служанку, которая прилаживала материю её платья. — Что думаешь, Рунильда?

— Думаю, мы могли бы забрать ещё немного в плечах, миледи. Что-то здесь широковатое.

Повернув голову, Авелин попыталась обозреть собственное плечо. Но складка была прямо под носом, и видно было плохо, поэтому она ничего не поняла. Зато ей открывался отличный обзор собственной роскошной груди, плавной округлости живота и бёдер, которые она полагала слишком широкими под складками голубого платья. Черничина, сказала Юнис, и вдруг материя, которую Авелин так тщательно выбирала, потеряла в её глазах всякое очарование. Она представила себя в виде огромной круглой ягоды, из которой тонким стебельком торчит голова.

Авелин грустно перебирала в пальцах голубую ткань. Это была прекрасная материя. Но даже самый красивый материал не может превратить старую глупую курицу в лебедя.

— Миледи? Так мне ушить в плечах? — спросила Рунильда.

— Да. — Авелин разжала пальцы, выпустив складку, и решительно расправила плечи. — И в талии тоже. Лишнее обрежь.

Горничная сделала большие глаза:

— В талии? Но в талии сидит превосходно!

— Это сейчас, — согласилась Авелин. — Но на свадьбе не будет, потому что я клянусь — здесь и сейчас, — что к свадьбе я похудею хотя бы на стоун¹, а лучше на два.

— Ох, миледи, — озабоченно закудаhtала Рунильда, — мне кажется, ничего хорошего...

¹ Один стоун равен 6,34 кг или 14 фунтам. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Это то, что мне нужно, — твёрдо сказала Авелин. Улыбнувшись собственной решительности, она соскочила со стола на скамью, затем на пол. — Я сброшу два стоуна к свадьбе, и это дело решённое. Хотя бы раз в жизни я буду красивой, стройной и... грациозной. Паэн де Джервилль будет гордиться, что берёт меня в жёны.

Глава 1

— Чертовски странно!

— Что? — Услышав это восклицание, леди Кристина Джервилль подняла голову от трапезы. Её удивленный взгляд тут же смягчился, когда она взглянула на мужчину, который сидел за столом между нею и её мужем. Паэн Джервилль, сын! Его тёмные волосы были собраны в низкий хвост на затылке, лицо тщательно выбрито, на плечах сидела туника цвета лесной листвы, которую она сшила специально для этого торжественного случая. Сын выглядел в точности как его отец в день их свадьбы: сильный, красивый — и такой же ворчливый, с улыбкой отметила она. Затем леди вспомнила, что ворчит он, чтобы привлечь её внимание, и поинтересовалась: — Что странного, сынок?

— Это. — Паэн обвёл рукой столы, за которыми сидело множество народу. Они были в окружении лорда и леди Стротон и всей их родни — всей, за исключением одной персоны. По его мнению, самой важной. — Где моя невеста? Чертовски странно, что её здесь нет. И вчера вечером, когда мы прибыли, я её тоже не видел. Что-то тут неладно.

Леди Джервилль обменялась весёлым взглядом с Уимарком, своим супругом, который как раз от-

влёкся от беседы с лордом Стротоном и успел услышать последние слова Паэна.

— Всё в порядке, мальчик, — заверил сына лорд Уимарк. — Несомненно, девушка задерживается, потому что... гм, прихорашивается и всё такое. Обычные женские штучки. Женщины всегда приходят последними, — продолжал уверять он. Потом, заметив, как супруга с неудовольствием щурит глаза, он кашлянул и послал сконфуженный взгляд в её сторону, извиняясь за клевету в адрес всего женского пола. — Во всяком случае, не стоит поднимать шум. Это всё предсвадебное волнение, о котором я тебя предупреждал. Оно играет с тобой злую шутку, только и всего.

Свои слова он подкрепил, по его разумению, дружеским, ободряющим тычком. Вот только от этого тычка его верзила-сын едва не свалился кубарем со скамьи. Впрочем, Паэн, привычный к ласковым тумакам любящего отца, успел схватиться за край стола; не то опозорился бы перед будущей родней, повалившись на устланный тростником пол.

С ворчанием усевшись на место, Паэн подцепил кусок сыру и стал жевать, но мысли его были далеко. Он не сводил взгляда со ступеней лестницы, ожидая, что невеста вот-вот спустится к ним. Паэн знал, что отец прав и что он просто нервничает, да только не понимал почему. Им вдруг овладело беспокойство, хотя по дороге сюда он был уверен в себе, как всегда. Да было бы из-за чего волноваться! Он просто хотел забрать свою невесту и сделать её своей женой.

Разумеется, опыт был для него нов, но ведь это почти то же самое, что нанять нового пажа — кстати, ещё и это предстояло ему сделать на обратном пути домой. Паэн собирался жениться, потом провести

несколько дней в Стротоне, а затем выехать назад в Джервилль, по пути сделав остановку, чтобы забрать нового паж. Проще простого. Не из-за чего дёргаться.

По крайней мере, так он думал вчера, по пути сюда. Но уже сегодняшним утром Паэн переменял своё мнение. Его вдруг осенило, что жена и паж — это немножко разное. В конце концов, с пажом не нужно ложиться в одну постель. Не придётся и делить с пажом всю свою жизнь, какой бы долгой и счастливой — или несчастливой, это уж как повезёт — она ни оказалась. А ещё он всегда может отослать пажа восвояси, ежели тот вызовет его неудовольствие. К несчастью, от жены так просто не избавишься, даже если она обернется мегерой.

И самое главное, он даже не видел ещё своей невесты. Похоже, она решила его избегать. Паэн не мог отогнать мысли о том, что это недобрый знак.

— Выдохните ещё немного, миледи,

— Рунильда, я не могу. Больше не получается. — Авелин выдавила эти слова с последним воздухом из лёгких, а потом вынуждена была перевести дух, чтобы спросить: — Дело-то движется?

Служанка замялась, и это говорило яснее всяких слов. Авелин тяжело вздохнула, признавая поражение.

— Бесполезно, Рунильда. Я не смогу натянуть это платье, и мы обе это знаем. Кроме того, даже если я его всё-таки напялю, швы наверняка треснут, едва ты закончишь застёгивать крючки.

— Это я виновата, миледи. Не следовало ушивать его так сильно. — Рунильда обошла Авелин и с горестным видом встала перед нею.

— Это не твоя вина, я сама тебе приказала. — Авелин уныло опустилась на краешек кровати, прикидывая возможности. А таковых было немного. Она не сбросила два стоуна за эти две недели. На самом деле, вопреки твёрдому решению и отчаянным стараниям, Авелин, кажется, даже набрала фунт или два. Чудесное голубое платье, над которым они с Рунильдой трудились не покладая рук, теперь было ей мало.

Оставалось радоваться, что ей больше не нужно изображать черничину-переростка в день собственной свадьбы. К несчастью, теперь придется выбирать между огромной вишней или кучей...

— Может быть, мы сможем выпустить швы, — неуверенно предложила Рунильда, но Авелин понимала, что это невозможно. Она же сама настояла, чтобы ткань обрезают, надеясь, что это укрепит её в стремлении похудеть. Вот дура.

Почему она не догадалась примерить платье раньше! Тогда можно было бы что-то предпринять. Но она его не примерила. С подготовкой к свадьбе и приёмом гостей оказалось столько хлопот, что она не вспомнила ни о платье, ни о том, что просила Рунильду его ушить. Идиотка.

Однако хватит предаваться унынию и жалеть себя! Авелин встала и начала выпутываться из платья.

— Значит, всё-таки придётся надевать красное. То, которое я почти не носила.

О том, почему она его старалась не надевать, Авелин не хотелось и думать. Не хватало ещё злиться из-за этого злосчастного красного, от которого её лицо казалось лихорадочно-румяным. К счастью, Рунильде достало такта не упоминать сей факт, и она просто пробормотала с убитым видом:

— Ох, миледи...

Уловив дрожащую нотку в голосе юной служанки, Авелин расправила плечи.

— Слушай, Рунильда. Никаких слёз, не то я сама расплачусь.

Авелин отвернулась, чтобы не видеть трагическую мину на лице служанки. Она преисполнилась решимости вытерпеть несчастье с достоинством и уверенностью в себе. Она не станет плакать. Даже если лорд Джервилль отвергнет её с первого взгляда, она будет держать голову высоко, с невозмутимым видом и полным спокойствием.

Авелин подошла к сундуку и стала перебирать его содержимое, пока не обнаружила искомое красное платье. Коснулась мягкой ткани и скривила губы. Когда бродячий торговец извлёк ткань из своего фургона, ей показалось, что она никогда не видела ничего красивее. Авелин представила, как прохладная ткань, скроенная очень просто, станет обтекать её тело ласкающими волнами. Разумеется, она представляла себя стройной и хорошенькой в этом платье — образ, который не покидал её головы даже тогда, когда платье было готово. Примерив его, Авелин казалась себе настоящей красавицей... пока не спустилась вниз к ужину.

Хьюго, Стациус и Юнис быстро открыли ей глаза. Их едкие замечания и жестокие слова на кусочки покромсали и её гордость, и радость от обновки, заставив почувствовать себя толстой и неуклюжей. Именно Юнис заметила, что цвет платья нелестно сказывается на цвете её лица. Хьюго рассмеялся и заявил, что лично он этого не заметил, потому что в этом платье она уж очень смахивала на огромную вишню.

Авелин больше не надевала его ни разу. Вот почему платье было как новенькое.